

ВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

ИЗ ЖИЗНИ
ИВАНА ПОСАШКОВА

12+

Светлана Кочергина

**Вековая история. Из
жизни Ивана Посашкова**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кочергина С. Д.

Вековая история. Из жизни Ивана Посашкова /
С. Д. Кочергина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Чем отличается история, описанная в учебниках, от той, что рассказывает очевидец? Правдой, пропущенной через чувства, опыт и собственное мироощущение. В каждом эпизоде книги раскрывается характер Ивана Посашкова – честный, бесстрашный, юморной! Судьба его тесно сплелась с событиями, происходившими в стране в последние сто лет. То, что знал и видел этот человек, больше не расскажет никто! Вековая история жизни Ивана Посашкова – яркий пример формирования сильной личности. Книга не имеет возрастных ограничений, она будет интересна как взрослым, так и детям.

Содержание

Вступительное слово	6
Начало	7
Отъезд в Каменку	9
Пряники	10
Балалайка	11
Вот он – я!	12
Выстрел	13
Техникум	14
Четвёрка	15
Пехотное училище	16
На фронт!	17
Ранение	18
Плацдарм	20
Разведка боем	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Кочергина
Вековая история. Из
жизни Ивана Посашкова

Вступительное слово

В моей жизни журналиста и режиссёра было множество интересных встреч: это и звёзды эстрады, деятели науки и культуры, сотрудники ФСБ всех рангов, учёные, директора крупных и не очень предприятий, медики и политики, представители различных религий... Букет огромный и яркий. Обо всех я делала либо сюжеты, либо передачи, либо фильмы. Однако желания написать книгу не возникало. Но вот, благодаря женитьбе сына, в мою жизнь вошёл удивительный человек – дедушка невестки – Иван Фёдорович Посашков. Первая встреча, когда мы готовили к свадьбе ролик-поздравление от старших, оставила очень сильное впечатление. Я увидела НАСТОЯЩЕГО ПОЛКОВНИКА, ветерана Великой Отечественной войны 1924 года рождения. Этот высокий, статный, в военном кителе, увешанном орденами и медалями, офицер поразил своей мудростью, чёткостью мышления, энциклопедическими и литературными знаниями и великолепным русским языком, каковой сейчас среди народонаселения встречается крайне редко.

Мы, конечно, подружились. Как и свойственно пожилым людям, Иван Фёдорович тяготел к воспоминаниям, и они были настолько яркие и для меня необычные, что решила их записывать. Каждая наша встреча включала несколько законченных эпизодов, каждый из которых аккуратно заворачивался в рассказ. Я записывала его на диктофон, на видео, строчила в блокноте. Набралось шесть часов плотной записи, и стало понятно: всё – пора! Пора эту память одного человека открыть многим, ведь о том, как он через призму своей жизни, своего видения, своих приключений проживал историю нашей страны, больше не расскажет никто! Сегодня Ивану Фёдоровичу Посашкову – 95 лет. Последние три года мы вместе работали над этой книгой, уточняя факты и события. Начиная от раскулачивания, жизни сироты, мы прошли вместе Великую Отечественную войну до Победы, отслужили в Одессе, Германии, закончили Военную академию имени Фрунзе, готовили солдат в Казани, работали в Сирии в роли военного советника, принимали должность начальника штаба дивизии в Казани и Самаре, даже школьников обучали автоделу и работали на телефонной станции и председателем садового общества. В каждом эпизоде раскрывался характер Ивана Фёдоровича – честный, бесстрашный, юморной, трудолюбивый и организованный – об этом в книге ни слова, но его поступки говорят сами за себя. Из всех медалей и орденов на парадном мундире он ценит только два боевых ордена Красной Звезды за свои личные подвиги, и об этих эпизодах мы тоже рассказали.

Очень надеемся, что книга будет интересна и школьникам, и студентам, интересующимся историей, и военным, и обычным читателям всех возрастов. Читая её, вы узнаете нюансы, о которых до сих пор нигде ничего не пишут: про истинный путь к Победе наших солдат, про формирование военных частей уже после войны, про огрехи высшего эшелона власти, про тонкости службы на Востоке и в СССР, про гражданскую жизнь бывших офицеров...

Уверена, эта книга не оставит вас равнодушными и вызовет живые эмоции. Если это произойдёт, мы с Иваном Фёдоровичем Посашковым будем счастливы – наш скромный труд нашёл своего адресата.

Светлана Кочергина

Начало

Деревня Вторая Новониколаевка Кинельского района Самарской области частенько горела. Вот и тогда, в 1928 году, когда мне, маленькому Ванюше, было всего четыре годика, случился очередной пожар. В то время мои родители – мать Мария Васильевна и отец Фёдор Львович уехали в соседнюю деревню на базар.

Пламя подобралось к дому, где жили мы, Посашковы. Родители, возвращаясь домой, увидели зарево и заторопились в деревню. Быстро ехать на телеге не получалось – мать была на сносях.

Я, испугавшись огня, решил спрятаться в амбаре, что стоял через дорогу от горящего дома, где, как мне думалось, будет безопасно.

Мать не знала, что я убежал, и рвалась в отчаянии в горящую избу, пытаюсь найти ребёнка. Отец насилу её удержал. Когда, уже измождённая и без сил, она пришла в амбар и упала на солому, я дал о себе знать – сидел на жёрдочке в глубине сарая. Радости её не было предела! Она прижимала к себе сыночка, не веря своему счастью! Но от пережитого у неё начались преждевременные схватки. Меня послали за бабушкой, которой на тот момент было около 40 лет. Она запрягла лошадь и привезла роженицу к себе. Мать родила близнецов и скончалась от большой кровопотери. Куда делись дети, неизвестно. Возможно, бабка их как котят утопила. У неё своих было пятеро – мал мала меньше. Она вышла замуж в 12 лет и в 14 уже родила первенца.

Остались мы вдвоём с отцом. Дом вдовец отстроил заново добротный. Мужик он был работающий, сметливый. Имелись у нас в хозяйстве лошадь, две коровы и маслобойка. Однако братья отца, которых на деревне считали пропойцами, задумали из зависти прибрать к рукам добротную избу и хозяйство Фёдора. В 1931 году отца по их наводке раскулачили и сослали в Караганду.

Остался я совсем один. Бабка Анна Осиповна не брала внука к себе – лишний рот ей был не нужен: у самой «пятеро по лавкам». Её младший сын был старше меня всего на два года.

И порешила она избавиться от внука. Через полтора месяца после того как отца сослали, Анна Осиповна привезла меня, шестилетнего, на Куйбышевский железнодорожный вокзал. Посадила и сказала: «Сиди, пока не придёт милиционер и не заберёт тебя! Назад не возвращайся! Смотри, я тебя всё равно не пушу». Почему такой разговор состоялся? До этого она уже отправляла меня на вокзал со своим сыном. Но на следующей электричке вслед за ним я вернулся. Поэтому она приняла решение – отвезти самой.

Недолго сидел я на вокзале. Вскоре подошёл милиционер. Взял за руку и, ничего не спрашивая, отвёл в вагон-приёмник.

Накормили меня там тёплой вкусной кашей. Нас быстро набралось около 15–20 человек, как будто всех нарочно кто-то поставлял в вагон-приёмник. Милиционер построил нас парами, и мы, взявшись за руки, пошли за ним. Шли мы до детского дома № 1 на улице Оборонной. На дворе стоял 1931-й год, а мне было шесть лет с небольшим.

В детдоме вышла к нам женщина, не знаю, кто она была, – сняли с нас одежду, сожгли, одели в детдомовское и развели по палатам. В детдоме, рассчитанном на 40 человек, нас собралось за двести – теснота невозможная!

Кто-то из чиновников принял решение – развезти детей из детского дома № 1 в Куйбышеве по другим областям. Посадили нас в поезд и повезли в Пензу.

Сорок детдомовцев распределили по районам, и я попал в число тех десяти, которых направили в Каменский район. Привезли нас в клуб. Там ребят разобрали жители села Каменка. А я и ещё девочка с мальчиком попали в деревню Безруковку – колхоз имени Ленина. Привели нас в правление. Мы были хиленькие, худенькие – смотреть страшно. Меня взяли

старик со старухой – им уже по 70, наверное, было. Сразу стало понятно, что они не умели обращаться с детьми, – ребёнок это чувствует. Самое страшное ждало меня впереди.

Когда мы пришли, я обошёл дом: не было ни туалета, ни бани. Непривычно для меня это всё. А после дороги помыться надо! Однако хозяева подготовились: печка натоплена, нагрета вода. В тазик с водой окунули веник. Мне велели лезть в печь – там была постлана солома. Я залез в печь, за мной задвинули тазик и сказали: «Мы заслонку закроем, а ты возьми веник и схлещи с себя грязь».

Честно признаюсь – я провоевал три года добросовестно, но нигде не испытывал такого страха, как в этой печке! Я почему-то был убеждён, что когда эти кирпичи намокнут, они упадут все! И задавят меня, и я не выберусь из этой печки! Кое-как дохлестал себя, отодвинули заслонку. Кое-как меня хозяева домыли и одели в детдомовскую одежку – только она и была.

На другой день хозяин взял меня за руку и привёл в правление решать вопрос с одеждой. Отправили нас в сельпо, где и подобрали кое-что, и я вернулся к старикам. Прожил я у них где-то до окончания зимы. Колол дрова, носил помои, кормил свинью – в общем, по хозяйству. Без дела не давали быть ни одной минуты. В школу я так и не пошёл. Она находилась далеко, а уличной одежды у меня не было.

Отъезд в Каменку

Когда я учился в четвёртом классе, колхоз имени Ленина обеднел до того, что нам перестали давать паёк, который обязаны были давать по решению правительства. Из детей, привезённых в Каменский район, четверо умерли от голода. А мы втроём как-то удержались, может, потому, что оказались чуть покрепче. Поздней осенью, когда уже начались заморозки и выпал снежок, моя хозяйка говорит: «Колхоз на тебя ничего не даёт, а мне кормить тебя нечем. Иди в правление и проси, чтобы вам хоть что-то дали!»

Когда мы пришли в правление, председатель колхоза нас просто выставил. Мы сидели на крылечке втроём и плакали. Мимо проходил какой-то мужчина и спросил:

– Что вы плачете?

– Мы детдомовцы, а колхоз перестал нас кормить, и хозяева перестали кормить. Вот сидим, раздетые, разутые, босые, мёрзнем тут – никому мы не нужны.

– Что же вы, совсем неразумные?! Видите – висит телефон на стене. Сними трубку и скажи: дайте мне районо – и всё расскажи про себя и больше ничего не делай.

Я встал, подошёл к этому телефону, всё сделал, как этот мужчина сказал. Взял трубку, там загудело, ответила женщина. Я рассказал ей что и как, про наше положение. Она сказала – сидите в правлении колхоза и никуда не уходите, за вами сейчас приедет человек.

И действительно, прошло часа три, не больше, в эту бедную Безруковку за нами из Каменки приехал мужчина – высокий, стройный, подтянутый, в кожаной тужурке, подпоясанной ремнём с кобурой. Мы через дверь слышали, как он разговаривал с председателем колхоза. Мужик в кожанке так ругался, что я за всю жизнь не припомню подобной отборной матерщины.

После этого разговора вышел из двери председатель, потный, красный весь, и говорит нам: пошли за мной! Привёл нас в сельмаг, и там, какая одежонка была, на нас напялили. Рубахи, штаны, пальтишки какие-то. К этому времени подъехала повозка. На ней лежала солома и тулупы, поверх постланные. Прямо около магазина нас посадили в эти сани и по первому снегу повезли в Каменку. Мужчина с кобурой ехал верхом рядом на коне.

Когда мы приехали в Каменку, нас в семьях уже ждали. Меня поселили к молодым: муж, жена, и маленький ребёночек у них был. Мне этот хозяин сказал:

– Ну, что... Давай, будешь мне как сын. Я буду тебя кормить-поить, а ты будешь мне помогать по хозяйству. И в школу будешь ходить.

Очень приятный молодой мужчина был, толковый, знающий. Он меня научил, как ухаживать за кроликами. А я с его маленьким ребёночком играл.

Жилось мне здесь хорошо, и всё нормально было до поры до времени.

Пряники

Где-то к концу четвёртого класса шёл я из школы. Встретили меня два пацана, старше меня, лет по 12–13. Спросили:

- Хочешь пряников досыта?
- Конечно хочу.
- Видишь вон те ворота?
- Вижу.
- Пролезешь под ворота и сбросишь крючок.
- И всё?
- И всё.

Я подлез под ворота, сбросил крючок и ушёл. Они меня через 30 минут нашли.

– На вот свой кулёк с пряниками!

Я обрадовался до смерти. На второй день иду, вижу, стоят мужики, и мальчишка у них в середине, такой как я. И они его бьют чем попало – и кулаками, и пинками. Оказывается, те пацаны уговорили другого мальчишку, чтобы он сбросил крючок. А мужики караулили. И как поймали, забили они того до смерти... С тех пор дал себе клятву – к чужому я и близко не подойду! Это был магазин – пацаны обворовали магазин. Мне повезло, что не я! Я опоздал. На месте этого мальчика мог быть я! Даже когда было очень голодно, мы залезали вверх на тополя, ловили грача, сворачивали ему башку, варили его и ели... Мясо съедобное, но горькое. А магазин я стороной обходил.

Балалайка

В пятом классе я вспомнил про отца и родственников, которые его и раскулачили. Собрались братья и сёстры матери и отца и сдали его, а имущество забрали себе, поделили... Позже узнал, что пропили всё через несколько дней: лошадей, маслобойку... Всё подчистую пропили.

Я написал письмо дяде, который жил в доме раскулаченного брата – моего отца. Получив ответ, пошёл в районо. А тогда было правило: если кто из родственников откликнулся, воспитанника отпускали. Мне сказали: забирай своё имущество и езжай. А имущества у меня было: простынка, подушка с наволочкой да байковое одеяло и матрас. Вот и всё моё имущество... Но я его лишился, как только приехал к своему дяде.

С какой радостью, с каким восторгом я ехал в деревню, в родной дом! Приехал, а дом в свинарник превратили. Тётка была такая неряха! Такого я больше нигде в жизни не видел! Мой матрас, подушку и одеяло поросята разодрали на куски, и мне пришлось спать на голом полу...

Я понимал, что моё дело не очень... Узнав адрес, написал отцу, что живу у дяди Вани, пришли мне денег на дорогу! Отец быстро откликнулся, и я через недели полторы получил извещение на получение денег. Сообщил дяде, что отец прислал мне денег на дорогу. Дядя Ваня сказал: хорошо, я поеду получу... Его не было три дня. Все мои деньги он пропил. Я понял, что моё дело – совсем дрянь...

Вот тут и вспомнил про мою бабушку, что отвела меня на вокзал, да поехал к ней. А бабушка тогда жила в Самаре на улице Победы, дом 94 со старшей дочерью Шурой, что работала на Буферном заводе и была хозяйкой квартиры. Но бабка, не признав меня, – я-то уже вырос, отправила меня к дочери со словами: «Мало ли вас тут болтается по свету, и каждый называет себя внуком. Если Шурка тебя признает, приведёт ко мне, то и я тебя признаю, что ты мой внук».

Это был 1936-й год. И тётка жила в первом доме, что построил Буферный завод, потом 9-й ГПЗ. На этом заводе работали все бабушкины дети – два сына и три дочери.

Я пошёл на завод, нашёл тетю Шуру. Она разрешила пожить у себя. Пока болтался, школу запустил. Посадили меня в пятый класс, но учился я отвратительно. Зато у меня была страсть к музыке, и я попросил тётку купить мне балалайку – она стоила тогда три рубля. Тётя Шура поставила условие – будешь учиться на пятёрки, куплю тебе балалайку.

Был принцип интересный в школе: кто учился хорошо – сидел на первой парте, кто плохо – на последней. Я, естественно, сидел на последней. Однако за 45 дней уже писал диктанты лучше всех в классе, задачи решал быстрее, чем девочка на первой парте. В результате четверть закончил на одни пятёрки! Вся школа приходила смотреть, что это за феномен – парень за полтора месяца из двоечника превратился в пятёрочника! И я с радостью признаю, что до конца дней своих учился на одни пятёрки! Не знаю, что послужило большим стимулом – отличница, чистенькая такая девочка, что сидела на первой парте и так красиво писала, или балалайка... Но балалайку тётка мне купила!

После пятого класса я уже сам мог мастерить и смастерил себе пистолет. Почему? Я постоянно чувствовал своё одиночество, свою незащищённость. Со мной дрались все подряд, а заступиться за меня было некому – ни отца, ни матери. И я принял решение, что единственным моим защитником будет оружие, которое сам себе сделаю. И начал мастерить пистолеты. Сначала в патроне выпиливал отверстие для спички, набивал его порохом, которым служила сера от спичек, – получалась готовая граната. А потом я научился делать и настоящий наган.

Вот он – я!

Пока шла эта передряга в Самаре, отец снова прислал деньги. Тётка купила мне билет до Караганды, и я уехал. Интересная встреча с отцом случилась – он же меня не помнил... Времени столько прошло. Это уже был 1937-й год!

На станцию приехал и сел в уголке. Тихонько наблюдал, как отец меня ищет и узнать не может. Потом уже подошёл к нему и говорю: «Хватит, батя, ходить. Вот он – я!» Естественно, его радости не было предела!

Поехали мы с ним. А у него уже была своя семья: пятеро детей он нарожал. Самый маленький только родился, когда я приехал. Ну и пришлось мне опять нянчить детей да хозяйством заниматься...

У меня была справка о том, что я из детдома. А к детдомовским относились по-особому. По тем временам между русскими и казаками вражда шла, особенно между пацанами – дрались насмерть. Мы и казахи жили в разных посёлках, но постоянно дрались. И когда они встречали меня одного, то потешались, как могли...

Отец у меня по специальности был кузнец. И я, когда приехал, в первые же зимние каникулы пошёл к нему работать. С детства меня тянуло к металлу. Я быстренько себе смастерил и наган, и гранату – всё у меня было своё, и всё это я изготовил, работая у отца в инструментальном цехе при шахте.

И когда казахские пацаны из соседней деревни опять меня после школы встретили, я им говорю: отойдите или я взорву гранату. Они смеются: «Ха-ха-ха, какая граната!» Тогда я её поджёт и кинул! Она взорвалась на маленькие кусочки. Не знаю, попало в кого или нет, но страху на них нагнал!

Наутро я прихожу в школу. А директор был казах – крепкий, здоровый такой мужик. Подошёл ко мне – и давай трясти: «Ну, сукин сын, если бы ты не был из детдома, я бы выкинул тебя из школы в полпинка!»

И надо же такому случиться, что, когда я заканчивал школу – 7-й класс, он лично вручал мне балалайку как отличнику! И когда вручал, сказал: «Хоть ты и сукин сын, но ученик хороший, и мне жалко, что ты из школы уходишь!»

Выстрел

Отец мой был человеком хватким и, несмотря на то что его раскулачили и сослали в Караганду, сумел и там в скором времени встать на ноги. Будучи кузнецом, снабжал округу всякой хозяйственной утварью, даже детские кровати и санки ковал, за что его очень ценили. Так он и выживал в Караганде с большим семейством в 1938 году. В 14 лет я стал его подручным и как мог помогал в работе.

Не знаю почему, но мне очень хотелось сделать наган. Никаких чертежей я в глаза не видел, но тем не менее представлял, как смастерить оружие. В голове была чёткая схема. И потихоньку, пока батя не видел, я ковал и выпиливал нужные детали. Постепенно самопал собирался в добротное маленькое оружие, которое ладно помещалось в моей подростковой, но уже огрубевшей от тяжёлого труда, ладони.

Однажды отец решил, что наша семья уже может позволить себе глинобитный дом. Вместе с ним мешали навоз, сушили на палящем солнце и нарезали на блоки. Справились мы с задачей споро. И вот уже белёная известью мазанка красовалась в нашем дворе. Недалеко от дома, как и положено, поставили новый деревянный нужник. Завершая этот важный строительный объект, я решил на его двери нарисовать мишень, в центре поставив жирную точку.

Дождавшись, когда домашние уйдут по делам, мы с пацанами достали моё сокровище. Уважительно взвесив в каждой детской руке, самопал вернули хозяину. Решили, пользуясь отсутствием всех, его испытать. Сера мною уже была запасена, и я от души забил её в ствол. Вроде меня и стрелять-то никто не учил, но метился я, как мне казалось, по всем правилам. Вот мушка встретилась с жирным пятном на нужнике, и я нажал курок! Выстрел! Грохот! Дым!

Не успели мы с мальчишками рвануть к нужнику – посмотреть, куда же я попал, как его дверь распахнулась и оттуда вывалилась обезумевшая от страха старуха соседка! Мой «ядрёный» заряд пронёсся в пяти сантиметрах от её седой головы, прошил заднюю стену туалета и успокоился в заборе!

Дав стрекача, мы поняли, что старуха жива, так как её проклятия ещё долго эхом бежали впереди нас.

Поздно вечером я осторожно пробрался домой, пытаясь незаметно прошмыгнуть мимо отца, но не тут-то было! Хваткой кузнеца он пригвоздил меня к месту.

– Ты вот что, сынок, прежде чем стрелять, убедись сначала, что в нужнике никого нету!

Я радостно закивал, не ожидая от отца подобной мягкости. Оказывается, весь его гнев достался старухе соседке. Так одним выстрелом я отучил её шастать по чужим туалетам раз и навсегда!

Техникум

Я понимал, что больше не смогу жить у отца. Мачеха ко мне относилась как всякая мачеха – постольку-поскольку, внимания никакого не уделяла. И жилось как будто в детдоме – без особой заботы и тепла. В моём закутке еле помещались кровать и столик, за которым делал уроки. Мачеху выводило из себя, что я учился на пятёрки, а её дети на двойки и тройки. И она никак не могла понять – почему так, в чём причина?

Осознав, что дальше оставаться в семье отца нельзя, я начал искать пути – куда же идти дальше? И тут случайно попала газета с объявлением: Алма-атинский электротехникум связи осуществляет приём учащихся, окончивших седьмой класс. И дальше было приписано, что если ученик окончил седьмой класс на пятёрки, то принимается без экзаменов, ему предоставляется общежитие и стипендия – 65 рублей! Этого вполне хватало для безбедной жизни и учёбы в техникуме.

Не спрашивая отца, сам написал заявление в техникум и к концу лета получил приглашение – прибыть в это учебное заведение, так как меня уже зачислили студентом. Мне выслали билет по почте. Получив его, я собрал свои нехитрые пожитки в сундучок (20 30 сантиметров), который сам же и смастерил, и пошёл в цех. Возвращаясь с отцом после работы, наконец-то решился заговорить с ним.

– Пап, я уезжаю...

– Куда?

– В Алма-Ату в техникум связи.

– А чего же ты мне ничего не говорил?

– Да я знаю, что ты был бы против! Поэтому и молчал. Я уезжаю сегодня, точнее сейчас! Не заходя домой, попрощался с отцом, обнял, поцеловал его и отправился на вокзал.

Четвёрка

В техникуме я получал стипендию, так как учился на отлично. Жил в общежитии. И всё бы хорошо, да на втором курсе на экзамене по физике получил 4.

Пришёл к завучу и сказал, что меня стипендии лишили из-за четвёрки. А тот ответил:

– Я не могу изменить приказ. Но если ты уверен, что знаешь физику на пятёрку, давай устроим пересдачу с несколькими преподавателями.

Буквально через неделю собрались учителя во главе с нашим физиком Александром Александровичем Соколовым экзаменовать меня повторно. Пришёл и завуч. Другие преподаватели задавали мне вопросы, и я на все достойно отвечал. Завуч обратился к Соколову.

– Ну что, вы довольны ответом Посашкова?

– Да, я знаю, что он отличный ученик, но не поставил пятёрку только из-за его строптивости.

– В чём же она заключалась?

– Когда он отвечал, я разговаривал с другой студенткой...

А эта студентка – старше нас всех, ей уже исполнилось 16 лет, девка красивая, и было видно, что Соколов как-то очень лично заинтересован в разговоре. Вот я закончил отвечать, а мой ответ длился минут пятнадцать: доказательство теоремы с графиками и формулами на доске. И мне понятно, что меня не слушали. А когда учитель наконец-то повернулся и сказал: «Ну-ка, повтори!» – я ответил, что повторять не буду! Тогда Соколов взял зачётную книжку и написал: «Хорошо»...

А с одной четвёркой стипендию уже не давали! И никого не интересовало, на что я буду жить!

Я продолжал учиться и подрабатывать где попало. И как-то подхватил малярию. А лечение тогда было только одно – хиной, и давали её в неограниченном количестве. В результате я получил острую мозжечковую интоксикацию: очень серьёзно заболел. Дошёл до медсанчасти и упал. Еле откачали. Больше трёх месяцев пролежал в больнице. Понятно, что учёбу запустил – выжить бы...

Тем временем началась война.

Пехотное училище

Однажды на дверях столовой, где я подрабатывал, увидел объявление: «Граждане 1924 года рождения и старше должны явиться в военкомат по месту жительства». Собрал я вещмешок – кружку, ложку, зубную щётку, продовольствия на одни сутки. Предупредил коменданта общежития и ушёл в военкомат.

Шёл август 1942 года. Нас направили в ашхабадское пехотное училище. Таких как я «мирных» оказалось всего двое на тысячу человек, которые уже воевали на передовой. С 23 августа начались занятия. Преподавали нам офицеры, побывавшие на фронте. Однако опыта у них имелось маловато, так как они попадали в учебку, получив ранение после первого боя. А те, кто воевал в 1918-м, тоже не могли толком ничему научить, поскольку война была другая совсем! Позже стали приезжать уже более опытные преподаватели.

К концу декабря 1942 года, когда дела на фронте сильно осложнились, все курсанты были одеты в солдатскую форму и готовились к отправке в Сталинград. Одели, обули, дали обмундирование и стали готовить к погрузке в эшелоны. Однако отправка задерживалась, и солдаты (в Ашхабаде стояла жара) валенки, ушанки попросту попропивали. Через две или три недели пришёл другой приказ Сталина – отличников и командиров-сержантов оставить в училище и доучивать до офицеров. Нас из 1 000 осталось 200, а большинство отправили солдатами на фронт под Сталинград. В марте оставшимся в училище присвоили звание офицеров и тоже отправили на фронт.

Но случился такой казус. Те, кто закончил училище, но не воевал, выходили со званием «младший лейтенант». Я воевал, был ранен, лечился, опять вернулся на фронт – по-прежнему в звании младшего лейтенанта. Лишь много позже выяснилось, что звание «лейтенант» мне присвоили ещё в училище как отличнику боевой и политической подготовки, но ни я об этом не знал, ни мои командиры.

На фронт!

Из училища молодых офицеров направили на Южный фронт. Встречали нас на Северном Кавказе. Когда состав подошёл к станции, немцы начали её бомбить – по наводке предателей из местного населения. Расчёт был абсолютно точный. Нас и по дороге всё время бомбили, но помогло то, что машинист, который вёл поезд из Махачкалы на передний край, оказался опытным. Немцам так и не удалось отбомбить этот эшелон.

Нас привезли на рассвете. Мы были спросонья, когда немецкие бомбардировщики вновь начали обстрел. По команде старшего все бросились вон со станции, и потерь не было никаких. Мы удалились километров на десять от станции и вырыли траншеи, а ночью опять налетели бомбардировщики нас бомбить – вот какое было предательство со стороны местных!

Когда мы первый раз побывали под бомбёжкой, то поняли, что шутки плохи, тут надо соображать, что делать и как. Недолго нас там держали. Через пару дней отправили по дивизиям. Я прибыл в 230-ю дивизию командиром стрелкового взвода. Был март 1943 года. А буквально через два дня мы перешли в наступление. И так я воевал до августа 1943-го. Тогда начались активные боевые действия, и 23 августа меня ранило.

Ранение

До ранения я даже не понимал толком, что на войне. Солдаты всё делали по моей команде – ты заряжай, ты стреляй! А мне положено командовать, и всё. Что там рвутся снаряды и мины – не моё дело. И только тогда страх напал, когда вечером 23 сентября 1943 года мина разорвалась прямо передо мной! Мне осколком перебило правую ногу, и она повисла, я упал. И понял, что тут шуток нет – всё на полном серьёзе.

А был приказ Сталина, что возле раненого, будь ты хоть командир роты, никому оставаться нельзя. Похоронных команд тогда не было вообще...

Так вот, лежу я с перебитой ногой, кровь хлещет, и никого вокруг... Достал перевязочный пакет из вещмешка и перетянул ногу, чтобы кровь не шла. Стемнело быстро, ни санитаров, никого нет... Вдруг слышу – звякает. Когда собака идёт на поводке, так звякает. Подошла ко мне, обнюхивает. А это санитар с собакой. Положил он меня на носилки, привязал к собаке и сказал: «Держись крепче, она сейчас будет бежать как ненормальная!»

Оказывается, собаки по-разному идут на фронт и с фронта. Я потом убедился в этом на примере нашего верблюда, который нам еду возил. Когда он шёл на фронт, то орал так, что было слышно в радиусе 50 километров! Все враги знали, что везут ужин! Зато назад бежал молча и так, что просто не знаю, как эта кухня не переворачивалась: она подпрыгивала как футбольный мяч!

Когда выстрелы автоматной очереди уже не были слышны, собака пошла спокойно и привезла меня в медсанбат. В то время никаких обезболивающих не было. Только одно лекарство – риванол – обеззараживающая жидкость. Но она не давала никакого обезболивающего эффекта!

Оказалось, у меня сквозное осколочное ранение. Когда положили меня на стол, хирург сказал: «Ори как хочешь и сколько хочешь!» Потом засунул бинт в рану и давай шуровать им туда-сюда, пока рану прочищал. Один Бог знает, как я орал! Потом доктор сестре приказал: «Налей быстро полстакана водки!» Выпил я и чуть-чуть утих. Боль была адская. Ну кое-как врач мне всё сделал, наложил шину, и отнесли меня на повозку, запряжённую лошадьми.

Рассветало... Как сейчас помню... Подсолнухи цветут, погода такая чудесная, и вдруг это всё... Садится ездовой – пожилой такой мужчина – лет шестидесяти пяти.

– Давай, сынок, держись!

– А что держись?

– А сейчас начнётся!

– А что начнётся-то? Передний край вон где!

– Тут свой передний край...

Отъехали километра полтора, смотрю вверх – самолёт с двумя фюзеляжами – немецкий разведчик. Я знал, что они за одиночными солдатами гоняются, знал, что любят озоровать. Смотрю, а лицом кверху лежу, – пошёл на разворот, а потом на снижение по нашему курсу. Мне ездовой говорит: «Сейчас он будет пикировать и стрелять. Держись чем можешь, держись!»

И хлестнул лошадей, я думал – те выскочат из шкуры! Смотрю на самолёт и рожу вижу этого немца! Вижу, взялся за гашетку – сейчас стрелять начнёт. Ездовой тоже всё это видит! Он резко потянул поводья – лошади остановились!.. И вся эта очередь прошла перед нами! Только фашист пролетел чуть-чуть вперёд, мы повернули с дороги и влетели в поле кукурузы! И пока лётчик вновь уходил в пике, возникший и повозку, и лошадей кукурузой забросал. Немец поглядел-поглядел, потерял и отступил от нас. Мы минут сорок постояли, пока он не улетел. Поехали дальше. Потом был эвакуопункт, оттуда довели до эвакогоспиталя. Немецкие самолёты сопровождали так все эшелоны, кто-то им регулярно доносил о передвижении.

Повезли нас с эвакогоспиталя до железнодорожного вокзала. Мне водитель сказал: ложись с краю возле заднего борта, где брезент открывается, и будешь видеть, что сверху делается. Я спросил:

– А почему?

– Чтобы ты видел, почему я так еду и когти рву, чтобы быстрее уехать отсюда.

Отъехали пять-шесть километров, смотрю – лёгкий бомбардировщик «юнкерс». Сделал круг, и на нас. Смотрю, этот водитель ведёт себя точно так же, как и тот, что лошадьми правил. Сначала жмёт на газ что есть силы, когда самолёт начинает снижаться, потом тормозит резко, и всё в машине вдруг сдвигается вперёд. Раза четыре так делал. И я не знаю, от чего ребята больше пострадали: от того, что были ранены, или от внезапного торможения. Я-то видел, когда он тормозить будет, когда рванёт, вот это несколько облегчало мой путь под обстрелом «юнкерса».

Плацдарм

После ранения я вернулся в 986-й стрелковый полк 230-й Сталинской стрелковой дивизии командиром взвода пулемётной роты 2-го стрелкового батальона, который воевал, уничтожая немцев, на Никопольском плацдарме. Немцы пытались эвакуировать все войска и удерживать Крым. Шёл конец января – начало февраля 1944 года. Грязища была несусветная! Лошадь не могла себя тащить! Рано утром 7 февраля привёз нам наш верблюд почту и чёрную нашу кашу – перловую.

Открыл я газетку, смотрю. Совинформбюро: «Наши войска в результате упорных боёв уничтожили Никопольскую группировку немцев и овладели населёнными пунктами: Большая Лопатиха, Малая Лопатиха и Зелёный Гай Запорожской области». Эти населённые пункты вдоль Днепра шли. А до них ещё пять километров. Плацдарм не взят, а новости, что взят, – уже есть!

Минут через тридцать появился командир дивизии. Как он нас ругал, и немцы слышали! А кто держал всю дивизию и не давал с места сдвинуться? Один немецкий пулемёт на чердаке дома! С места нельзя было подняться – косил всех!

Командир полка стоял недалеко от моего окопа: «Ты слышал, что генерал дивизии сказал? Если вы к вечеру не возьмёте этот населённый пункт, я всех лично расстреляю без суда и следствия!» В дивизии был свой военный трибунал, задачка эта решалась очень просто.

Мне командир полка сказал: попробуй снять этого немца. А у меня было четыре пулемёта «максим» с водяным охлаждением и пять «горюнов» – с воздушным охлаждением. Но оба перегревались. Я зарядил пулемёт зажигательными пулями и дал по немцу длинную очередь.

Конечно, чтобы снять этого фрица, надо было стрелять с 300–400 метров, а я стрелял с 800! Пока пуля долетала, теряла свою убойную силу, да и немец за щитком прятался. Так он после моей очереди все 200 патронов, всю ленту – в меня! Наверное, всё-таки есть Бог – ведь в смотровое окошечко пулемёта ни одна пуля не попала! Весь защитный щиток сделался как тёрка! Хоть свёклу натирай! А в меня ни одна не попала. Командир полка распорядился: «Брось ты его, к вечеру разберёмся!» Почистил оружие и оставил. Вечером решил посмотреть, что немец делать будет... Он сверху слез, внизу окоп и всё расчищено... Двое их там было. И стреляли они трассирующими пулями непрерывно, сначала один, потом другой.

Осмотрел я всё внимательно. Нашёл сектор, где не было ни одной трассирующей пули. У меня сложилось впечатление, что там или кочка, или бугор, поглощавший эти пули. То есть, если идти по сектору до этой точки, можно и живым остаться. Я так и сделал: пулемёт на спину, роту поставил за собой. И пошли: я впереди, за мной ординарец Миша Лановенко. Мы прошли на расстояние от пулемёта 20–25 метров. И по дороге потеряли одного солдата. Почему? Когда я роту поднимал, сказал: не сворачивать ни влево, ни вправо ни на один метр! А вокруг лужицы были. Мы же три дня без воды – грязь везде, а воды нет... И вот солдат один не выдержал: увидел лужицу, нагнулся напиться. Погиб. Вот он один и погиб. Не дошли мы 25 метров, ставлю пулемёт, что сам тащил. Миша-ординарец как надо его окопал, сектор расчистил. И уже на фоне бруствера, где немцы осели, вижу сам пулемёт – пламя от выстрела. Установил свой «максим». Командиру первого взвода Долматову приказал:

– Давай за пулемёт! Ты стреляешь непрерывно в этом направлении немецкого пулемёта до тех пор, пока не взорвутся две гранаты! Понял меня?

– А что тут понимать!

Во время войны были гранаты аккумулятивного действия и ударного, предназначенные для борьбы с танками. Одна по времени взрывалась, другая от соприкосновения. Они по килограмму весят – хорошие гранаты! Я и мой Мишка поползли по этой грязи. Метров 10–12 поползли, слышим, как немцы разговаривают, хихикают. Махнул Мишке, встали, две гранаты

кинули. Там всё взорвалось, грязью нас так и обдало. Ничего живого там, конечно, не осталось. Эти два взрыва были сигналом для атаки. Сначала пошёл полк, потом дивизия. И к утру эти населённые пункты взяли.

Самая большая награда ждала, когда рассвело: немецкий обоз – подвод 200 – готовился к переправе на правый берег Днепра. Старшина спросил: надо разузнать, что это за обоз? Взял бинокль, смотрю... Немецкий солдат достал бутылку вина и пьёт. Выпил. Две-три минуты прошло – упал фашист. Старшине говорю:

– Фёдор, бери солдат, вещмешки – и туда.

Увидев наших бойцов, немцы бросили обоз и удирали как попало! Вернувшийся солдат принёс мешок муки и сказал:

– Надо еще десять человек – забрать мясо, муку, консервы.

Чего там только не было! Старшина за 15 минут обед сварил. Кинул в кипящий котёл мелко нарезанное мясо, муку всыпал и размешал – такое казахское блюдо получилось! За последние две недели первый раз хорошо поели! И ещё недели на две запаслись впрок.

После обеда мы пулемёты взвалили на себя, а на лошадей продукты. И сытые двинулись дальше.

Р. С. В 2020 году накануне 75-летия Великой Победы на сайте «Память народа» (pamyat-naroda.ru) опубликованы данные о наградном листе, где командир 986-го стрелкового полка подполковник Галкин сообщает о вышеизложенном подвиге И. Ф. Посашкова и пишет следующее: «В наступательном бою по ликвидации плацдарма на левом берегу реки Днепр в районе села Большая Лопатиха Запорожской области 7.02.1944 года тов. Посашков, руководя штурмовой группой, в числе первых ворвался на окраину села Большая Лопатиха и забросал гранатами дом. Противник, оставив ручной пулемёт, в панике отступил, что способствовало успеху проводимой подразделением операции.

Тов. Посашков достоин представления к правительственной награде – ордену «Отечественной войны II степени».

Надо сказать, что за этот подвиг Иван Посашков был удостоен ордена Красной Звезды.

Разведка боем

Через три дня меня ранило гранатой, это было уже второе ранение. И после госпиталя мне полагалось на фронт возвращаться. Как? А никаких средств не имелось, чтобы попасть на фронт. Каждый должен был пешком добраться! И что солдат ел и пил, никого не интересовало. Свой полк догнал я на Днестре, недалеко от Тирасполя. Советские войска переправились через Днестр практически без боевых действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.